

ВСЮДУ ЖИЗНЬ

русский журнал

Олег
Кашин

Олег Кашин

Всюду жизнь

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=181481
Всюду жизнь: Европа; Москва; 2005
ISBN 5-9739-0018-5

Аннотация

Эта книжка целиком отдана одному автору – Олегу Кашину, за фантастически короткий срок ставшему звездой газетной журналистики. Со стороны может показаться, что формула его успеха проста и незатейлива: всего-то – оказаться в нужное время в нужном месте, а потом живо и смачно обо всем рассказать на газетных страницах. Но, приглядевшись повнимательнее, понимаешь, насколько тонким знатоком жизни и вдумчивым аналитиком надо быть, чтобы так работать и при этом регулярно попадать в яблочко.

Содержание

Русский журнал одного автора	4
Другой Кашин	5
Жизнь Кашина	7
Быдло	7
Спасение красного флага	9
За спасение погибавших	11
Революция еды	13
Жизнь СМИ	15
История в заголовках	15
Подлость как признан лояльности	17
Оба хуже	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Олег Кашин

Всюду жизнь

Русский журнал одного автора

Русский журнал – это сообщество авторов, их персональных журналов. Книжка РЖ целиком отдана одному Кашину. Будут и другие, но почему первый – Кашин? Самый подвижный автор РЖ из тех, что сообщают лишь то, что видели и испытали. Рассказывая, не повторять чужие слова вслед за обществом – колоссальный риск. У нас на зоне глазастых не любят.

Набеги Кашина на реальность обнаруживают страну повсюду в состоянии выделки. Россия – это резидентура мировой истории, ее корсет. Живых она внедряет в невозможные обстоятельства, связь поддерживает изредка и неохотно, данные не проверяет. Предоставляя тебе неслыханную свободу вранья и порчи. Оттого здесь столько «общественного мнения» – тараторящих девок, кипучей нежити и циников с обидчивостью, странной для циника.

Русская история по Ключевскому – это образовательная юдоль, типология русского воспитания. Воспитания недоросля, воспитания монарха (чем попытался было заниматься сам, без успеха), воспитания грусти... Воспитания зрячих, от чего напрямиком к сердцевине выделки – личной твердости. Без реализма русскому быть твердым нельзя. Проглядел тетку в рыжей шубе, а потом некого и незачем защищать. Неглазастые долго не сопротивляются, сбиваясь в «общество».

Кашинская оживленность при посещении общественных срамных мест России и просвещает на собственный счет, и ободряет нас – живы! А кашинская всеядность, на пару с его манерой неуместно морализировать, вынуждают искать скандальную подоплеку. Например, неподкупность.

Глеб Павловский, Главный редактор РЖ

Другой Кашин

Кашин... бойкий автор и цепкий наблюдатель, регулярно отправляющийся на все митинги, демонстрации, флэш-мобы, пикеты и побоища в Москве. Он – Растиньяк, приехавший овладеть Москвой, редкий для современной России тип классического американского репортера, дотошный, честолюбивый хроникер, для которого «события» и «факты» куда важнее, чем «ура» и «долой». И потому, если революция в России, не дай Бог, случится, именно Кашин будет ее Джоном Ридом.

Александр Тимофеевский «Юность – это возмездие» («Известия» от 07.06.2005)

Эжен Растиньяк – герой Бальзака, который дает клятву – достичь успеха, выбиться в люди любой ценой. Корреспондент «Коммерсанта» Олег Кашин вполне заслужил такого сравнения – судя по той фантастической скорости, с которой он сделал карьеру, за какой-нибудь год превратившись из провинциала-«гастарбайтера» в настоящую звезду газетной журналистики. Где это видано, чтобы ведущее общенациональное СМИ («Известия») размещало на своих страницах панегирики в адрес сотрудников своего прямого конкурента? А ноутбук от Ходорковского? А полемика с Жириновским один на один в телеэфире? Иными словами, надо же было так заставить о себе говорить в двадцать пять-то лет!

Главная тема Кашина-репортера – «молодежная политика». От одного этого словосочетания еще недавно сводило зубы и веяло запахом коридоров бывших комсомольских учреждений, в которых догрызали бюджеты «на молодежь» неведомо как сохранившиеся престарелые комсомольцы. Теперь не так: с недавних пор это та самая «настоящая» политика, по сравнению с которой политика «взрослая» есть не более чем надоевший балаган. Раньше жизнь была там, а здесь ее не было; теперь все в точности наоборот! Отчасти в этой уже совершившейся революции повинны события «внешние» – грузинские, украинские, киргизские, – но там общество не успело даже и разглядеть этих «студентов», превращенных в рычаг для свержения тронов. У нас в России не так: нам дана роскошь времени, отведенного на экспозицию. И не в последнюю очередь свою роль в этом сыграло и то, что нашлись люди вроде Кашина, которые эту живую среду смогли увидеть, описать, явить миру – и, тем самым, дать ей собственный язык и свои уникальные имена.

Но тем не менее, сравнение коммерсантовского корреспондента с бальзаковским персонажем настоящей критики все же не выдерживает. Кашин – не Растиньяк. И главное его отличие – именно в этом самом «любой ценой»: один из главных лейтмотивов кашинских текстов – это вопрос приемлемости (в самом широком смысле) цены настоящего успеха. Олег все время явно или неявно его задает: и когда живописует юных политических активистов, мечтающих о власти, и когда описывает саму власть во всем ее тяжеловесном обаянии, и когда просто пишет о жизни, будь то жизнь провинциального городка, московской тусовки, каких-то культурных артефактов, или же лично себя любимого, Кашина Олега Владимировича.

Со стороны может показаться, что формула его успеха проста и незатейлива: всего-то – оказаться в нужное время в нужном месте, пару раз схлопотать по морде от какого-нибудь милиционера или недружелюбно настроенного активиста, а потом живо и смачно обо всем этом рассказать на газетных страницах. Но только приглядевшись повнимательнее, понимаешь, насколько тонким знатоком жизни и вдумчивым аналитиком надо быть, чтобы так работать и при этом регулярно попадать в яблочко. Чтобы чувствовать нерв процесса, все

время поверяя себя по нему. И именно в этом, а вовсе не в фортунае заключается реальный механизм капитализации бренда «Кашин».

Кашинские репортажи в «Коммерсанте» – торжество формата, созданного и поддерживаемого этим изданием: короткие жесткие фразы, только факты в каждом предложении, никакой отсебятины и никакой «позиции». Еще бы: если в изначальном тексте какая «позиция» и была, на рерайте все равно ее выбросят – машина есть машина.

В еженедельных колонках, которые Олег с осени 2004 года ведет в «Русском журнале» <http://www.russ.ru/columns/life/> (педантично вывешивая в своем сетевом блоге http://www.livejournal.com/users/another_kashin/ фрагменты черновиков за день до публикации), нам предстает совсем другой Кашин.

«Всюду жизнь» – таков постоянный заголовок кашинской колонки в РЖ. Здесь его журналистика ближе к Аксакову, Гиляровскому и Успенскому, чем к сухим западным образцам репортерского жанра. Это бытописание, в котором темой является то, что темой считает сам автор, он же в конечном счете и главный герой текстов. Автор, который думает, сопоставляет, спорит, возмущается, вспоминает – а также куда-то едет, с кем-то встречается, попадает в самые разные истории... Тот случай, когда уже не поймешь, где заканчивается журналистика и начинается литература. Но из этой «почти литературы», при всей ее «художественности», больше узнаешь о русской реальности, чем из напоминающих конторскую ведомость газетных заметок.

В каком-то смысле та жизнь, о которой идет речь, – это нерв нашего времени, далеко за пределами того узкого социального среза, с которым непосредственно взаимодействует автор. Не чувствуя его, нельзя изучать историю современности: в этом смысле данный сборник – еще и своего рода учебник истории. Ибо историк тем и отличается от хронографа, что пишет не только о событиях и датах, но и о том, что произошло – или происходит – на самом деле. Вкус к этому самому делу отличает журналиста Кашина. Однако на самом деле главные испытания для человека Олега Кашина еще и не начинались. Поскольку личный успех – это всего лишь аванс, выданный тебе историей.

Алексей Чадаев, редактор «Русского журнала»

Жизнь Кашина

Быдло

Как известно, помимо различных жанров киноискусства – комедия, мелодрама, боевик и так далее – существует индийское кино, которое, чем бы оно ни было по замыслу авторов – триллером, комедией, детективом, чем угодно, – все равно остается прежде всего индийским кино. Точно так же и с мероприятиями, которые устраивает Василий Якеменко. Не важно, какие плакаты и флаги в руках его бойцов, против кого они борются – против Зюганова ли, против Сорокина, – всегда все одинаково: организованная доставка на автобусах участников к месту проведения мероприятия; добротная изготовленная атрибутика; суровые распорядители, не позволяющие активистам общаться с газетными журналистами и рассказывать им о том, что за участие в митинге каждому то ли заплатили по триста рублей, то ли пообещали пейджер; съемочные группы государственных телеканалов, готовящие пафосные сюжеты, и – очень четкое ощущение тотальной фальшивости происходящего.

О том, что случилось в Москве в воскресенье, знают все. Фотографии Ленинского проспекта, запруженного шестьдесятю тысячами подростков в одинаковых футболках, напечатаны во всех газетах и обошли, наверное, весь интернет. Формально это было премьерное выступление „Наших“ – со скандалом созданных в феврале „партизан порядка“, призванных остановить надвигающуюся революцию. При ближайшем рассмотрении „Наши“ оказались теми же „Идущими“: кроме самого Василия Якеменко среди организаторов я заметил его брата Бориса, нового лидера „Идущих вместе“ с выразительной фамилией Тараканов, колоритного борца с калоедами Михаила Мясоедова, – даже сама комиссар Лебедева, секс-символ „Наших“, еще совсем недавно, по слухам, работала библиотекаршей в московском офисе „Идущих вместе“.

Не знаю, что изменилось в методах работы братьев Якеменко и их соратников, но, несмотря на наличие всех необходимых компонентов – и одинаковые футболки, и нескончаемые ряды автобусов, и даже (казалось бы, где найти более удобный повод для недовольства!) перекрытый почти на сутки Ленинский проспект, – ничего такого, что вызвало бы протесты моего правдолюбивого сердца, я на этом мероприятии не обнаружил.

Светит солнце. Играет музыка. Парит над толпой операторский кран Первого канала. Нарядные ветераны с орденами и медалями. Розовощекие подростки, не скрывающие, что их – там, в провинции – собирали на эту акцию по школам и вузам, обещая халявную поездку в Москву. Ветераны обнимаются с детьми. Дети произносят пафосную, но, если честно, хорошую клятву – мол, вы отстаивали страну тогда, мы отстоим ее теперь, и вы за нас не волнуйтесь.

Фальшь, которой славились „Идущие вместе“, куда-то делась. Ее нет, и понятно почему – ну что, школьник из Тулы или первокурсник из Орла разве не уважает старика, который шестьдесят лет назад воевал, а теперь, нарядный и с медалями, пританцовывает под „Смуглянку“ из динамиков? Да уважает, конечно. И ветераны довольны – мало ли как этих детей сюда свезли, ветеранам все равно, главное – вот дети, дети улыбаются и говорят какие-то добрые вещи.

Все нормально.

Сейчас я специально оставляю за кадром все остальное – опереточный „антифашизм“ „Наших“, демонизирующих радикальных социал-демократов из НБП, непонятно откуда берущиеся бюджеты, офис в жилой квартире на Ордынке, Яшина в сугробе и прочие гадости, которыми успели прославиться „Наши“. Не было на Ленинском ни сугробов,

ни брошюрок с Каришей, да и единственная фраза юного комиссара Городецкого насчет „неофашистов из НБП“ на пресс-конференции после мероприятия была просто ответом на вопрос журналиста. На Ленинском не было вообще ничего, кроме нескольких десятков тысяч подростков из провинции – совершенно обыкновенных подростков – и тысячи ветеранов – не менее обыкновенных ветеранов. И перекрытый для них проспект вызвал у меня намного меньше вопросов, чем перекрытая несколькими днями ранее для Вике-Фрейберги Тверская.

Собственно, больше говорить об этой акции нечего (к тому же я подробно описал ее в газете). Самое интересное было потом.

Журналист Фишман сфотографировал этих подростков из своего окна на Ленинском, а журналист Плющев вывесил эти фотографии в ЖЖ. И понеслась. „Гитлерюгенд“, „стрелять из пулемета“, „давить их“ и так далее, и так далее, и так далее. Четыре страницы комментариев. Через несколько часов наконец прозвучало и заветное слово „быдло“. Эти шестьдесят тысяч молодых людей – быдло. Почему? А просто так. Просто немотивированная злоба. Самый простой способ почувствовать себя элитой – это представить, что остальные – быдло. Представили. Понравилось. Поверили.

Не стану скрывать, для меня „борьба с быдлом“ – это во многом личное. В смысле – принимаю (может, и неоправданно) эти упреки на свой счет. Я приехал жить и работать в Москву два года назад. До этого двадцать три года прожил на окраине самого крайнего областного центра России. Ну, получилось так – я не виноват, что в конце семидесятых работникам калининградского авиаотряда, среди которых был мой отец, выдавали квартиры именно там, на окраине Калининграда, в достаточно гопническом районе. Вырос там. Закончил школу. Поступил в вуз неподалеку – обыкновенную морскую академию, не самый престижный вуз в масштабах страны. Закончил его. Типичное быдло, ага.

И вот я, чье детство прошло в калининградских дворах с торчащими из асфальта ржавыми кусками арматуры и, прости Господи, пасущимися на помойках коровами из окрестных поселков, почему-то не могу понять, чем я хуже любого из тех, кто сегодня называет „Наших“ быдлом. Чем?

Я так уверенно задаю этот вопрос, потому что знаю, что ничем. Потому что знаю, что любое такое же быдло, как и я, сумевшее не погрязнуть в этой арматуре и коровах на помойках, нашедшее свое место в непростой России двадцать первого века, – заслуживает большего уважения, чем любой бывший мальчик из приличной московской семьи, ощущающий себя элитой по праву рождения. Не важно, как я отношусь к „Нашим“ (плохо отношусь на самом деле), но когда их называют быдлом, мне самому хочется вступить в „Наши“, потому что они-то быдлом никого не называют, равно как и, в отличие от журналистки Боссарт из „Новой газеты“, никого не называют „красавцами, интеллектуалами и богачами с доброкачественными генами“.

Никакие коммунисты, никакой прокурор Шохин не раздувают социальную (о национальной промолчу) рознь так, как это делает наша либеральная публика – журналисты, стремительно маргинализирующиеся политики, правозащитники всякие и так далее. Презирая людей, они, натолкнувшись на ответную реакцию, почему-то искренне обижаются, хотя обижаться действительно не на что.

Закончить колонку хочу экспериментом. На следующий день я ходил к Мещанскому суду на митинг в защиту Ходорковского. Быдло пришло поддержать красавца, интеллектуала и богача с доброкачественными генами. По Каланчевке было не пройти. Давить их, гадов. Из пулеметов стрелять. Ходорковскийюгенд, блин. Нормально? Почему?

18 мая 2005

Спасение красного флага

На Болотной площади казнили то ли Разина, то ли Пугачева, то ли и того и другого. В советские времена площадь называли именем Репина. В две тысячи, что ли, первом году на Болотной открыли шемякинский памятник жертвам пороков, для которого, если верить Доренко, позировал сам Лужков.

Но не это самое главное в биографии Болотной площади. Сейчас, если я слышу „Болотная площадь“, не Пугачев, Репин или Шемякин предстают перед моим внутренним взором, а „Идущие вместе“.

Это одна из тайн современной Москвы: почему именно на этом месте и только на нем митингуют „Идущие“ (и только они, ни одна другая партия или организация митингов на Болотной площади не устраивает). Единственная версия, которая приходит в голову, – транспортная: до любой из ближайших трех станций метро десять-пятнадцать минут быстрой ходьбы, зато на двух ближайших набережных удобно парковать автобусы, много автобусов. Ну и Кремль опять-таки в пределах видимости.

Из известных мне политических организаций только две не предупреждают о том, что будет митинг. Это национал-большевики, панически (и небезосновательно) боящиеся утечек информации в милицию, и собственно „Идущие вместе“, которые утечек не боятся, но и видеть на своих мероприятиях газетных журналистов почему-то не хотят. Только недавно я научился узнавать об их митингах заранее – по пресс-релизам ГИБДД о перекрытии улиц. Если написано, что для движения закрываются Кадашевская и Болотная набережная и Большой Каменный мост, – значит, „Идущие“ что-то задумали.

И когда 7 ноября я шел с колонной КПРФ по мосту мимо Болотной, подозрения подтвердились: площадь оцеплена, рабочие в комбинезонах монтируют сцену, голубые кабинки общественных туалетов уже стоят около памятника Репину. Поэтому, дойдя с коммунистами до „Театральной“ (тоже, кстати, странно – почему они все время ходят от „Октябрьской“ до „Театральной“, а не наоборот? Калужская площадь просторнее, а на „Театральной“ удобнее собираться), я побежал на Болотную смотреть, что там будет.

Бегу через мост – вижу: нормально все. На набережной автобусы стоят. В два ряда. Прохожу на площадь – Боже, что это? Я не изображаю удивление, я действительно удивился, потому что на Болотной вместо „Идущих“ были коммунисты. Много коммунистов. Меньше, чем на „Театральной“, но тоже очень много. Совершенно зюгановско-анпиловского вида бабушки-дедушки, бедно одетые и беззубые, с красными флагами и транспарантами про дерьмократов.

При ближайшем рассмотрении, однако, оказалось, что Болотная площадь осталась безраздельной вотчиной „Идущих вместе“. Они свезли из Подмосковья на автобусах несколько тысяч стариков, выдали им красные флаги и транспаранты, клеймящие Зюганова за союз с дерьмократами, соорудили сцену для ораторов (умилил меня очень один старичок, видимо близорукий – он пялился в телесуфлер, стоявший перед сценой, но вместо „Семигин“ читал „Семагин“, вместо „Видьманов“ – „Видьханов“, вместо „Ходорковский“ – „Ходоровский“). А главными на мероприятии были телевизионщики с двух государственных каналов. Знаете, бывают такие концерты-„телесъемки“, на которых зрителей заставляют сидеть, пока режиссер трансляции не скажет, что все, что требовалось переснять, переснято – при том, что финальная песня уже два часа как прозвучала. То есть не для зрителей концерт, а для камер. Вот и митинг тот не для тех, кого на него согноли, был устроен, а для государственных телевизионщиков. Я часто по роду деятельности встречаю этих людей – как правило, безумно молодых и до тошноты безукоризненных, причесанных таких, напудренных. Что скрывать, я ненавижу репортеров Первого канала и „России“, ненавижу их всех; да и как любить эти

органчики, позирующие на фоне нанятой „Идущими вместе“ пенсионерской клаки, взволнованно произносящие в камеру что-то вроде „Люди все прибывают и прибывают... Такого Москва не видела очень давно“. На Болотной, когда такой господинчик с Первого, кажется, канала интервьюировал старушку, шпарившую в ответ точными цитатами из интервью Суркова „Комсомолке“, я не выдержал, спросил у старушки, долго ли она учила текст. В принципе репортер не должен так себя вести – подкалывать и провоцировать героев будущего репортажа (грубо говоря, сегодня, придя на митинг, ты подкалываешь старушку, а завтра, приехав на фронт, возьмешь в руки автомат, чего репортеру уж точно нельзя делать). Но, черт подери, я живой человек, а эта старушка – зомби в лучшем случае, в худшем – гораздо больший провокатор, чем мы с Сурковым вместе взятые. Поэтому, я считаю, черт с ней, с этикой, – старушку надо мочить.

У меня действительно сдали нервы на этом митинге. Я бродил среди ветеранов (самое ужасное, что они действительно ветераны, то есть те, кого я с младенчества приучен уважать, относясь к ним как к людям заведомо более достойным, чем я сам) и спрашивал каждого: „Вам нравится здесь? Вам нравится этот митинг?“ А они не отвечали даже. Это как в фильме ужасов: ты среди них, совсем один, а они сквозь тебя ходят, извергая слизь, оставляя ее на твоём лице и твоей одежде. К „Идущим вместе“ всегда следовало относиться как к мразям, но 7 ноября нынешнего года они себя переплюнули: одно дело бросать в политические бои традиционных гопников, мечтающих о пейджере (или о чем там мечтают эти недоноски), другое – притаскивать для массовки стариков, которые вовсе не для того побеждали в войне и отстраивали послевоенную страну, чтобы некий Вася Якеменко бросал их под гусеницы интересов некоего Славы Суркова.

Добили же меня флаги, сотни флагов Союза Советских Социалистических республик, – а флаг СССР, конечно, гораздо более симпатичен, чем нынешний триколор. У меня отец в 1991 году работал в Литовском морском пароходстве, и Новый 1992 год мы встречали в Клайпеде у него на судне, „Капитан Реутов“ оно называлось, большой такой сухогруз. На корме его к тому времени развевался литовский желто-зелено-красный флажок, а отец (он электромехаником был) отвел меня в свою маленькую мастерскую в трюме и говорит: смотри, мол. А там среди всяких трансформаторов и прочего хлама лежат аккуратно сложенный красный флаг и металлические серп и молот, свинченные литовцами с трубы. Отец сказал мне, двенадцатилетнему: вот так она, история, на наших глазах и делается, запомни. И я запомнил. С тех пор я к советскому флагу отношусь как к семейной реликвии, и когда какие-то уроды размахивают моей семейной реликвией, чтобы порадовать Васю Якеменко, мне делается очень неприятно.

Поэтому, уходя с Болотной площади, я перехватил первую попавшуюся старушку, у которой в руках был красный флаг, и, стараясь говорить милиционерским голосом, приказал ей: „Сдайте инвентарь“. Старушка отдала мне флаг, я забросил древко на плечо и торжественно пошел через мост к метро „Третьяковская“. Можете считать меня мелким жуликом или воришкой, но я до сих пор уверен, что сделал важное дело. Спас флаг.

10 ноября 2004

За спасение погибавших

Приятно, читая неинтересную официальную хронику, спотыкаться о знакомые фамилии. Вот на прошлой неделе Путин, если верить его пресс-службе, наградил медалью „За спасение погибавших“ Геннадия Васильевича Коломенского, капитана учебного парусного судна „Крузенштерн“. Спасение погибавших, о котором я расскажу в этой колонке, случилось летом двухтысячного года, но не стану упрекать президента в том, что награда нашла героя спустя почти пять лет, – ничего страшного в этом нет. Вот Рамзана Кадырова более высокая награда нашла, кажется, еще до того, как его главный подвиг был совершен (если, конечно, допустить, что в его жизни вообще будет подвиг), – такой закон сохранения медалей получается, все нормально. Когда капитан Коломенский приедет в Кремль за медалью, надо будет с ним созвониться и встретиться, пива попить. Коломенский действительно хороший мужик.

Теперь – что касается собственно спасения погибавших. Как раз пять лет назад я был на „Крузенштерне“ одним из двадцати штурманских практикантов. Это было что-то вроде награды за хорошую учебу и примерное поведение – нас отправили на эту практику участвовать вместе с парусником в большой парусной гонке, посвященной миллениуму. Гонка состояла из двух этапов: надо было пересечь Атлантику вначале с востока на запад, потом – с запада на восток. В первом этапе мы заняли второе место, уступив питерскому „Миру“, поэтому второй этап для всего нашего экипажа обещал пройти под знаком реванша, ведь что „Мир“ – он хоть и русский парусник, но все-таки не наш „Крузенштерн“.

Второй этап стартовал в канадском Галифаксе. С „Миром“, к нашей всекрузенштерновской радости, с самого начала что-то случилось – он отстал и так и не сумел стать лидером гонки. А мы, наоборот, в первый же день вырвались вперед и значительно оторвались от ближайшего преследователя – аналогичного „Миру“ польского парусника „Дар млодзержи“.

Однако через несколько дней после старта „Крузенштерну“ пришлось выйти из гонки. Сигнал бедствия „Мэйдэй“ посылала польская яхта „Погория“, участвовавшая в регате по классу маломерных судов. На борту „Погории“ случилось ЧП – с мачты на палубу упала девушка, курсант мореходки из города Гдыня Яна Черлиньска. Упала, сломала позвоночник и, как было сказано в радиোগрамме капитана „Погории“, балансировала между жизнью и смертью. Умирала, короче говоря. А врача на „Погории“ не было.

Сигнал бедствия слышали вахтенные всех судов, участвовавших в гонке. Почему не отреагировали – вопрос к ним. Видимо, регата показалась важнее жизни какой-то восточноевропейской курсантки. Капитан же Коломенский объявил по громкой связи, что „Крузенштерн“ приостанавливает участие в соревновании, снял печати с машинного отделения, поменял курс на 180 градусов и приказал механикам дать самый полный вперед (то есть, получается, назад) – навстречу „Погории“ с умирающей Яной на борту.

Раненую забрали с яхты, положили к нам в лазарет, врач делал ей какие-то уколы, Коломенский тем временем вызвал из ближайшего порта – Сен-Джонс, кажется, он назывался – вертолет спасательной службы, вертолет прилетел часов через пять, наш фотограф Юра Масляев бегал по палубе, снимая процедуру упаковывания Яны в специальную люльку, которую на тросе подняли на борт вертолета. Коломенский очень смешно бегал вокруг Юры и кричал: „Не стой под вертолетом, он на тебя упадет!“ – и все смеялись над Коломенским, потому что понятно, что если вертолет упадет на Юру, ничего не останется не только от фотографа, но и от парусника вообще.

Потом к борту „Крузенштерна“ пришвартовался катер оргкомитета регаты, на катере к нам приехал инспектор, который зафиксировал, сколько времени мы потратили на спасательную операцию, опечатал машинное отделение заново, и „Крузенштерн“ вернулся в

гонку. На следующий день мы снова догнали „Дар млдзежи“ и снова стали лидерами. А через три недели, когда Атлантика закончилась и мы пришли в Амстердам, представитель оргкомитета официально зафиксировал нашу победу, и, когда в Амстердам уже пришли все остальные суда, на церемонии с участием какого-то принца нам вручили большой красивый кубок из черного дерева и серебра, специально изготовленный канадскими мастерами для победителя регаты.

И если вы думаете, что на этом история закончилась, то вы ошибаетесь, потому что здесь идет речь о поляках. Месяца через три после финиша регаты капитан Коломенский получил из Международной ассоциации парусных судов (она устраивала регату) уведомление о том, что капитан „Дара млдзежи“ направил в эту ассоциацию жалобу на капитана „Крузенштерна“ – Коломенский, по мнению его польского коллеги, незаконно использовал в парусной гонке двигатель, поэтому победа должна достаться „Дару млдзежи“, а „Крузенштерн“ должен быть дисквалифицирован.

Разбирательство длилось несколько месяцев. Поляки требовали дисквалификации, Коломенский показывал протокол опечатывания машинного отделения, бельгийцы и американцы из парусной ассоциации тихо сходили с ума от неприличных внутриславянских разборок. В конце концов претензии „Дара млдзежи“ специальная комиссия признала необоснованными, но союз канадских городов, предоставивший регате тот красивый кубок, неожиданно вспомнил о том, что кубок – переходящий, и потребовал от российской стороны его вернуть. Сейчас кубок стоит в каком-то канадском музее – видимо, до следующего миллениума.

Польская девушка Яна все это время лежала у себя в Гдыне в больнице, приходя в себя после травмы. В калининградских газетах, в которых написано о том, что Коломенскому дали медаль, я прочитал, что девушку после травмы бросил ее жених, с которым она вместе ходила в море на „Погории“. В самом деле – зачем ему она с переломанным позвоночником-то?

Сейчас, когда варшавские и московские власти обмениваются топонимическими приветствиями – они нам Дудаева, мы им Муравьева-вешателя, – я вспоминаю девушку Яну и капитана „Дара млдзежи“.

30 марта 2005

Революция еды

Коль скоро мы заговорили о еде, давайте и дальше о ней. Я больше никогда не пойду есть в „Макдоналдс“. В субботу ездил в Солнечногорск на допрос по делу Кашина-Яшина (по доброй традиции, следователь неделю вызванивал меня по мобильному, наконец уговорил приехать – приезжаю, а его, конечно, нет; так я и остался не допрошенным). На каком-то этапе захотелось есть, а Подмосковье тем и отличается от нормальных русских областей, что там в каждом райцентре имеется „Макдоналдс“. Поел, вернулся домой – а там любимая женщина ни с того ни с сего (раньше с ней такого не бывало) говорит: „Хочу в „Макдоналдс““. Пришлось идти второй раз, а два раза по три гамбургера – это, я вам доложу, кошмарный удар по желудочно-кишечному тракту. Уже вон сколько дней прошло, а я без содрогания о „Макдоналдсе“ думать не могу и, полагаю, не смогу еще долго. Поэтому, когда поеду в Солнечногорск или еще куда и проголодаюсь, есть пойду в какое-нибудь менее одиозное заведение – слава Богу, таких на Руси сейчас много.

У всех них разные названия (чем дальше от Москвы, тем чаще это женские имена). Разные интерьеры. Иногда в углу стоит телевизор с караоке, чаще – просто играет приемник с „Русским радио“. Ленивая (то ли не выспавшаяся, то ли с похмелья) официантка принесет меню. В меню можно не смотреть: не важно, что названия и интерьеры этих маленьких кафе путинской России разные, в меню всегда одно и то же. Из первых блюд везде есть солянка – кажется, поварам таких кафешек доставляет удовольствие сознание того, что в суп можно бросить оливку и лимончик. Из салатов – обязательный „Цезарь“. На второе или мясо по-французски – мясо, запеченное с сыром и помидором, с гарниром из пережаренного картофеля фри, – или, на выбор, жаркое в керамическом горшочке. И хлеб в плетеной соломенной корзиночке. Минералка – местная или „Перье“. Или, если хочешь просто чаю попить, бутерброд с семгой.

Совок за десятилетия своего существования выработал универсальную советскую кухню – идеальную для новой исторической общности людей, которые питаются в столовых. Винегреты, борщи, котлеты с картофельным пюре, компоты из сухофруктов. Алюминиевые вилки-ложки. Постсоветская или даже все-таки постъельцинская, путинская то есть, эпоха за несколько лет превратила совковую столовую в атавизм – сейчас, если найдешь такую на полузаброшенном заводе или в недоприватизированном учреждении, считай, повезло (у нас в Калининграде недалеко от редакции, в которой я работал, была последняя в городе муниципальная столовая – часто о ней вспоминаю, ностальгируя). А так – в каждом спальном районе большого города, в каждом маленьком городке сотни, тысячи одинаковых кафешек с солянкой и мясом по-французски. В Клину я ел в таком заведении прямо в тамошнем кремле, в Ростове – в каком-то подвале около центрального рынка, во Владикавказе – на берегу Терека (на двери там висела очаровательная табличка „С огнестрельным оружием просьба не заходить“). Эти кафе – не менее важная примета путинского застоя (или отстоя), чем Петросян в телевизоре и всесильный Сурков в разговорах, чем важные физиономии спецслужбистов и кинофильмы по романам Акунина.

Еда – очень важный культурный (а значит, и политический) фактор. Перед президентскими выборами девяносто шестого года в провинции на дверях продмагов висели портреты Зюганова с надписью „Купи еды в последний раз“. На киевском майдане Незалежности, если очевидцы не врут, революционеров кормили непрерывно и повсеместно: у большинства побывавших там главное впечатление – не пресловутый руль на голове Тимошенко и не песни „Океана Эльзы“, а именно борщ и чем еще наши украинские братья питаются.

Путинская эпоха тосклива не только предсказуемостью слисок и Мироновых, акуниных и петросянов. Она тосклива и своей массовой едой, своим кулинарным мейнстримом.

Известно, что причину и следствие люди часто путают, – не тот ли это случай? Патриотический мыслитель Крылов, озаренный похожей догадкой, считает, что власть сменится тогда, когда со сцены сойдет Алла Пугачева с ее свитой. Мне кажется, жизнь в стране изменится, когда Россия перестанет хлебать одинаковую солянку, ковыряться ножом в мясе по-французски, закусывать салатом „Цезарь“ и бутербродами с семгой. Проблема поголовной идейной бедности всех оппозиционных и провластных сил и деятелей может быть решена, если кто-то из них предложит стране реальную кулинарную альтернативу, которая объединит нацию и положит начало пресловутому мегапроекту „Россия“, о котором в той или иной мере мечтает каждый из нас. Революция еды – вот что спасет Россию.

20 апреля 2005

Жизнь СМИ

История в заголовках

Надеюсь, не открою большого внутриредакционного секрета, если расскажу, что понедельничный номер – тот самый, с белыми страницами, посвященными Альфа-банку, – сразу же, в день выхода, появился в застекленной рамке на коммерсантовской лестнице рядом с так же застекленными историческими (перевороты, дефолты, денежные реформы etc) номерами газеты прошлых лет. Конечно, это справедливо – вон даже в Financial Times написали, что заголовок «Полный истец» рифмуется с русским словом, означающим «фиаско». Заголовки – это, пожалуй, не меньший символ нашей газеты, чем пресловутый твердый знак или, скажем, дверная ручка в форме протянутой для приветствия руки. Многие до сих пор убеждены, что у нас существует специальный штат копирайтеров, выдумывающих все эти «Пришли за таким-то» или «Президент положил на конституцию». Таких копирайтеров на самом деле нет (сами придумываем), но что правда, то правда – газетный заголовок был и остается серьезным и важным искусством.

Когда я вижу первую полосу «Правды» тридцать седьмого года с передовицей «Взбесившихся собак надо расстреливать», испытываю непередаваемое чувство – даже если забыть о содержании текста, заголовок не перестанет быть безумно стильным и эмоционально заряженным на десятки лет вперед. Произнесите вслух и вслушайтесь: «Взбесившихся собак надо расстреливать». Симфония! Сейчас аналогичные тексты озаглавливаются гораздо пошлее и унылее, как-нибудь вроде «Путин укрепляет государство, а не себя». Ну укрепляет, ну и что? Ерунда какая-то, баловство. Лучше уж про собак, в самом деле. Про взбесившихся.

Или, скажем, Эренбург в войну статьи писал. Что ни заголовок – то выстрел или как минимум щелчок затвора: «Ненависть», «Мечь», «Гнев», «Хватит», «Убей немца». А сейчас – когда прошлой осенью все с подачи того же Путина говорили, что «России объявлена война» (почему, кстати, сейчас об этой войне никто не говорит? победу вроде не объявляли), официоз не сумел из себя выдать ничего, кроме заголовка «Внутренний враг и национальная идея». Представьте, что Эренбург статью «Убей немца» озаглавил бы «Немец и национальная идея» – мне кажется, его бы за такой заголовок немедленно расстреляли, причем справедливо.

Искусство заголовков наши газеты начали утрачивать, думаю, после войны. Блестящее довоенное «Сумбур вместо музыки» незаметно уступило место тоскливому «Об одной антипатриотической группировке театральных критиков» – и пошло-поехало. Знаете, как называлась разгромная статья в «Литературке» о романе Кочетова «Чего же ты хочешь?»? Да так и называлась: "О романе Кочетова «Чего же ты хочешь?». Иногда, конечно, случались озарения вроде куртуазного «Рагу из синей птицы», но в большинстве случаев редакторской фантазии хватало только на что-нибудь вроде «Против антиисторизма» – если уж от заголовка хочется спать, чего можно ждать от самой статьи?

Последним советским заголовком, наверное, стоит считать название репортажа Александр а Гамова (сейчас автор очерка о всенародной поддержке инициатив ГКЧП работает в «Комсомольской правде», входит в президентский пул) в «Советской России» 20 августа 1991 года: «Поддержка решительных мер». Я помню это бесцветное название только потому, что сохранил тот номер газеты, а другой заголовок тех дней – из провинциального «Вечернего Ставрополя» – запомнился на всю жизнь: «Браво, русич Ельцин!» – бессмысленное сочетание трех неудачных слов, но как цепляет, согласитесь. Сам «русич», кстати, в те дни

отметился собственной статьей в «Общей газете» под совершенно ленинским заголовком «Демократия должна уметь защищаться». Если бы я был редактором, я бы заменил этот заголовок на другой оборот из того текста – «Кирзовый сапог диктатуры», тем более что второго Ленина из Бориса Николаевича все равно не получилось.

А потом началась великая эпоха газетных заголовков – ну как забыть декабрьские (девяносто первого года) номера, скажем, «Комсомолки» и того же «Коммерсанта» с первополосными заголовками, соответственно: «Я проснулся – здравствуйте, нет советской власти» и «Союз развалился республик свободных». Случалось, газеты ехидно цитировали друг друга, подкалывая, – после статьи Владимира Бондаренко в тогдашнем «Дне» под пафосной шапкой «Нас остановит только пуля» в «МК» вышла статья Александр а Минкина «Их остановит только пельмень». К осени девяносто третьего эта практика дошла до абсурда – «Российская газета», переставшая выходить после номера с первополосным «Президент растоптал конституцию», вернулась к читателю через две недели с ликующим «Президент спас страну».

Техническая оснащенность нашей прессы тем временем выходила на новый уровень, и, случалось, важнее оказывалось не содержание заголовка, а место, которое он занимает. Когда взорвался Дмитрий Холодов, заголовок «У нас горе» верстальщики «Московского комсомольца» вынесли на самый верх, над логотипом газеты. С тех пор в «МК» каждый день заголовок главного текста номера – на этом месте. Сами заголовки, правда, тоскливы – то маньяк кого-нибудь зарезал, то Валерия замуж вышла, то еще что-то в этом роде.

Все чаще отдельным произведением заголовочного искусства становился не один заголовок, а несколько – в разных газетах. После 11 сентября это было заметно сильнее всего: официозные издания вышли с первополосными перечислениями типа «Каширка, Печатники, Манхэттен», либо с циничновато-отстраненным «Апокалипсис нау», и только в газете «Завтра» ликовал Александр Проханов – «Ангел смерти поцеловал Америку». Впрочем, прохановские заголовки требуют отдельного исследования, они не подчиняются общим законам. Другое дело – например, реакция «Коммерсанта» и «Известий» на теракт в Тушине: соответственно «Террор против рока» и «Рок против террора». Но это просто курьез, а вот когда после штурма в Беслане пропрезидентская «Жизнь» вышла с первой полосой «Мы плачем», а "Ъ" – с заголовком «Бесланный конец», – тут уже никаких курьезов, тут позиция, выраженная именно в заголовках, тексты же репортажей можно было безболезненно переставлять из одной газеты в другую, про девять арабов и негра писали все, другой информации власть не давала.

Сейчас большинство наблюдателей единодушно в том, что страна, как сказал бы известный киногерой, «накануне грандиозного шухера». Допустим, что это так. В этом случае интереснее всего будет следить за событиями – будь то всеобщий пенсионерский бунт или палаточный майдан на Красной площади – именно по газетным заголовкам. В самом деле, что напишут на первых полосах «Жизнь», «Коммерсантъ», «Комсомолка», и главное – кто в конце концов поставит заголовок «Мы победили»?

2 февраля 2005

Подлость как признан лояльности

Об этой истории в прошлом году много писали в московских газетах. История действительно забавная, унтерприши-беевщина в чистом виде: год назад, накануне президентских выборов, калининградские милиция и прокуратура сбились с ног в поисках, надо полагать, главного преступника Калининградской области – неизвестного гражданина, штамповавшего на десятирублевых купюрах специально изготовленной печатью лозунг «Россия без Путина».

Найти и поймать этого человека было несложно. Для этого оказалось достаточно проверить все фирмы, которые изготавливают печати и штампы. Злоумышленника задержали, посадили на три дня в СИЗО, а потом долго искали статью, по которой его можно осудить. На разжигание розни или, скажем, призывы к изменению строя деяние не тянуло, поэтому оставились на оскорблении должностного лица при исполнении. Это, собственно, и помогло обвинению развалиться чуть ли не на первом заседании суда – допросить само оскорбленное должностное лицо (то есть гражданина по фамилии Путин) следствие не решилось, а без его заявления выявить состав преступления не удалось. Парня, штамповавшего свою агитацию на купюрах, оправдали за отсутствием состава преступления, и дело было закрыто.

Калининград – маленький город. Человек, который в течение почти всего года был фигурантом самого скандального уголовного дела, не смог не стать местной знаменитостью. Михаил Костяев (так зовут этого парня) возглавил калининградскую организацию партии нацболов – прежний ее лидер Денис Оснач сейчас сидит в московской тюрьме за захват приемной президента. Когда в январе в Калининграде, как и во всех остальных городах, митинговали пенсионеры, Костяев не пропустил ни одного митинга и к весне на фоне достаточно унылых областных политических деятелей сделался очень яркой фигурой. Биография Костяева также сделалась предметом общественного интереса, и на прошлой неделе, бывший костяевский работодатель – издатель газеты, в которой Костяев работал верстальщиком накануне ареста, – написал о Михаиле целую статью, из которой читатели почерпнули несколько новых эпизодов, связанных с личностью этого нацбола.

Действительно, интересный вопрос: человек работал, потом попал под суд по дурацкому (не станем говорить «политическому») обвинению, был оправдан – но на работу не вернулся. Почему? На этот вопрос и отвечает работодатель. «Он недолго работал у нас в редакции, – пишет он о Костяеве. – И я, узнав из прокурорского представления о его причастности к акции „Россия без Путина“ (штамп на десятирублевках перед выборами), предложил ему уволиться по собственному желанию. Он уволился сам. Спасибо ему».

Итак, человек попал в поле зрения прокуратуры как участник акции «Россия без Путина». Прокуратура разбиралась с этим делом почти год, и в итоге суд парня оправдал. Он ни в чем не виноват, понимаете? Но работодатель не стал дожидаться решения суда. Он выгнал парня с работы сразу же, как только тот стал фигурантом этого дела, чтобы не дай Бог никто не подумал, что он, работодатель, имеет какое-то отношение к трем, в общем-то, некриминальным словам – «Россия без Путина». Калининград – город маленький. В Калининграде ни для кого не секрет, что когда Костяева увольняли, ему даже не разрешили зайти в редакцию за вещами – их ему вынес на улицу охранник. Ни для кого не секрет и звонок из газеты в пресс-службу местного УВД с просьбой не указывать в очередной сводке происшествий место работы Костяева.

И вот проходит год, и в газете, которая вышвырнула на улицу своего оказавшегося в беде сотрудника, ее издатель уже публично, а не на уровне слухов, с гордостью признается: да, я его выгнал, потому что «я – за Россию с Путиным. И с его людьми. По крайней мере на ближайшие годы». И заодно публикует служебную анкету Костяева (документ, предназна-

ченный для чего угодно, только не для публикации), в которой тот – вот мерзавец! – называет своим любимым историческим персонажем Троцкого. Нехилый компромат, правда?

Особенно умиляет «и с его (Путина) людьми»; «люди Путина» в отдаленном регионе – это местные коррумпированные чиновники и силовики.

Мерзко. Мерзко в любом случае – и если кто-то попросил написать этот текст в обмен на прощение каких-нибудь хозяйственных грехов, и если издателю просто захотелось таким вот экстравагантным способом продемонстрировать свою лояльность. Интересно, когда к вам, читатель этой колонки, придет человек, который скажет: «Смотри, какие подлости я умею делать! Давай дружить!» – вы с ним дружить захотите? Вряд ли. Но это мы с вами, а власть у нас другая, она отличается от нас всем – в том числе и моралью. И дружить с ней, с властью, можно только совершая подлости, иначе нельзя.

Нетрудно догадаться, почему я так болезненно реагирую на подобное поведение работодателя. За последние полтора года я сам шесть, что ли, раз оказывался в поле зрения прокуратуры и прочих силовых органов – но мои вещи почему-то как лежали в моем кабинете на работе, так и лежат, никто мне их не выносит на улицу и никто не пишет в газетах, что да, мол, работал такой у нас когда-то, но едва стало известно о (нужное вписать), его попросили уволиться. Я настолько привык к тому, что профессиональной репортерской деятельностью могу заниматься, не опасаясь звонка главному редактору со Старой площади или ее окрестностей, что любая другая ситуация мне кажется дикой. А она уже давно не дикая. Это норма.

Тут самое время сказать: вот, собственно, так и расколото наше общество. «За Путина» – такие люди, как тот работодатель, «против Путина» – наоборот, достойнейшие и порядочнейшие. Но мы с вами прекрасно понимаем, что это не совсем так. Среди тех, кто «против Путина», – много, может быть даже слишком много не меньших подонков, чем те, кто совершает подлости, демонстрируя преданность своему президенту. Просто на антипутинской стороне поле для подлостей сегодня гораздо уже, чем на стороне тех, кто «за Путина». Власть сама выталкивает на антипутинскую сторону тех, кто не желает идти против, простите за пафос, совести. А поскольку хороших людей у нас все-таки гораздо больше, чем плохих, 2008 год мы, думаю, встретим с многочисленной оппозицией.

9 марта 2005

Оба хуже

Есть у меня подозрение (наверняка ничем не подтверждающееся), что аудитория двух СМИ со словом «русский» в названии – журнала и радио, естественно, – если и пересекаются, то не в массовом порядке; в частности, далеко не каждый из читающих эту колонку регулярно слушает на соответствующей частоте шутки Николая Фоменко и новые хиты Верки Сердючки. Собственно, для таких читателей и сообщаю: недели две назад по «Русскому радио» начали ежедневно, дважды в сутки – в полночь и в шесть утра – передавать государственный гимн нашей страны – полную хоровую версию в трех куплетах. В первые годы существования радиостанции на ее волнах такая традиция уже была – каждую полночь звучал гимн «Русского радио», разухабистая песенка со словами «и в автомобиле я приемник включил, милая, родная, хоть немного помолчи, я же слушаю радио»; потом от этой песенки почему-то отказались, и в полночь ничего не звучало. А теперь звучит государственный гимн – в полночь и в шесть утра.

В те теперь уже достопамятные времена, когда слово «патриот» было ругательством (строго говоря, ругательством оно никогда не было, но вот принято о тех временах так говорить), среди тех, кто возмущался немодностью патриотизма, было модно ссылаться на американский опыт – ну, все мы помним, как в любом споре обязательно находился тот, кто говорил: «А вот в Америке все вешают на свои дома флаг, а когда гимн играет, все плачут». Такому аргументу, конечно, противопоставить было нечего, и спор на нем заканчивался. За прошедшие же годы Америка, слава Богу, светочем и маяком для большинства из нас быть перестала, и – опять же слава Богу – пример американского патриотизма перестал быть универсальным аргументом в спорах о патриотизме. И частная радиостанция в FM-диапазоне может позволить себе передавать гимн дважды в сутки. Не побоюсь ошибиться в прогнозе: уже в течение нынешнего года за «Русским радио» подтянутся остальные станции, и однажды в полночь, обшарив весь диапазон, двадцать (или сколько там у нас FM-радиостанций) раз подряд каждый из нас услышит обрывки хорового исполнения старой песни на невнятные слова, авторство которых приписывается Сергею Михалкову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.